

Информация для цитирования:

Пронченко С. М. Народная лингвокультура приграничного восточнославянского этноконтактного локуса : лексико-фразеологический аспект / С. М. Пронченко, С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 355—376. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-355-376.

Pronchenko, S. M., Starodubets, S. N., Belugina, O. V. (2025). Folk Linguoculture of Borderland East Slavic Ethnocontact Locus: A Lexical-Phrazeological Perspective. *Nauchnyi dialog*, 14 (6): 355-376. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-355-376. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Народная лингвокультура приграничного восточнославянского этноконтактного локуса: лексико-фразеологический аспект

Пронченко Сергей Михайлович

orcid.org/0000-0002-0382-3059

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра социально-экономических и
гуманитарных дисциплин
s.m.pronchenko@yandex.ru

Стародубец Светлана Николаевна

orcid.org/0000-0003-3135-6678

доктор филологических наук, профессор,
кафедра социально-экономических и
гуманитарных дисциплин,
корреспондирующий автор
starodubets.madam@yandex.ru

Белугина Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0002-1081-234X

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра социально-экономических и
гуманитарных дисциплин
OBelugina@mail.ru

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00077 «Народная лингвокультура восточнославянского приграничья в условиях социально-политических изменений: фольклорно-этнографическое и этнолингвистическое исследование», <https://rscf.ru/project/25-28-00077>

Folk Linguoculture of Borderland East Slavic Ethnocontact Locus: A Lexical-Phrazeological Perspective

Sergey M. Pronchenko

orcid.org/0000-0002-0382-3059

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines
s.m.pronchenko@yandex.ru

Svetlana N. Starodubets

orcid.org/0000-0003-3135-6678

Doctor of Philology, Professor,
Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines,
corresponding author
starodubets.madam@yandex.ru

Olga V. Belugina

orcid.org/0000-0002-1081-234X

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines
OBelugina@mail.ru

Bryansk State Academician

I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 25-28-00077 “Folk Linguoculture of the East Slavic Borderlands in the context of socio-political changes: folklore, ethnographic and ethnolinguistic research”, <https://rscf.ru/project/25-28-00077>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье раскрывается символическое значение лексем и фразеологизмов, зафиксированных в дискурсе диалектоносителей обрядовой традиции брянско-гомельско-черниговского приграничья. Изучается лексика и фразеология календарных праздников, обрядов жизненного цикла, народных верований, народной медицины и магии. Материал исследования — беседы с носителями традиционной культуры Новозыбковского городского округа Брянской области. Методы изыскания: дискурсивный анализ, компонентный метод, семантический и контекстуальный анализ, описательный метод. Установлено, что семантика лексико-фразеологических единиц, принадлежащих к числу обозначений календарных праздников, определяется широким спектром символических значений: запретом на шитье, достатком, ритуальным очищением, инициацией и др. Лексемы и фразеологизмы обрядов жизненного цикла также содержат достаточно широкую палитру символических значений: инициации, достатка, отказа при сватовстве, разлуки, одаривания и др. Лексико-фразеологический пласт, соотносительный с народными верованиями, фиксирует символику кругового движения, жертвы умершему, трансформации душ усопших в зооморфные образы и др. В нарративах о народной медицине и магии лексико-фразеологические единицы выражают символическое значение вражды, разрушения, исцеляющей энергии и др. В рассмотренных обрядах ритуальные действия выполняют продуцирующую и апотропейную функции, носят вредоносный характер.

Ключевые слова:

обрядовая лексика; культурная коннотация; фольклорная традиция; брянско-гомельско-черниговский этноконтактный локус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the symbolic significance of lexemes and phraseological units documented in the discourse of dialect speakers within the ritual traditions of the Bryansk-Homel-Chernigov borderland. The study examines the vocabulary and phraseology associated with calendar celebrations, life cycle rituals, folk beliefs, traditional medicine, and magic. The research material consists of conversations with bearers of traditional culture from the Novozybkov urban district in Bryansk Oblast. The methodologies employed include discursive analysis, componential analysis, semantic and contextual analysis, and descriptive methods. It is established that the semantics of lexical-phraseological units pertaining to calendar festivities is characterized by a wide range of symbolic meanings, including prohibitions on sewing, abundance, ritual purification, initiation, and more. Lexemes and phraseological expressions related to life cycle rituals also encompass a broad spectrum of symbolic interpretations, such as initiation, prosperity, refusal during courtship, separation, gifting, and others. The lexical-phraseological layer associated with folk beliefs captures the symbolism of cyclical movement, offerings to the deceased, and the transformation of souls into zoomorphic images, among other themes. In narratives concerning folk medicine and magic, lexical-phraseological units convey symbolic meanings related to enmity, destruction, healing energy, and more. The examined rituals perform generative and apotropaic functions while also possessing harmful characteristics.

Key words:

ritual vocabulary; cultural connotation; folkloric tradition; Bryansk-Homel-Chernigov ethnocontact locus.

УДК 811.161.1'37+398(470.333+476.2+477.51)+392.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-355-376

Научная специальность ВАК

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Народная лингвокультура приграничного восточнославянского этноконтактного локуса: лексико-фразеологический аспект

© Пронченко С. М., Стародубец С. Н., Белугина О. В., 2025

1. Введение = Introduction

Брянская область является уникальным регионом России, поскольку граничит с территорией двух других восточнославянских государств — Беларуси и Украины. Пограничье Брянской области России, Гомельской области Беларуси и Черниговской области Украины образует брянско-гомельско-черниговский этноконтактный локус. Уникальное положение Брянщины сказывается прежде всего на непосредственно расположенных у белорусской и украинской границ ее юго-западных районах, где концентрируются неповторимые особенности многолетних межконфессиональных, межкультурных и межкультурных взаимодействий русских, белорусов и украинцев.

Новозыбковский городской округ, непосредственно граничащий с Ветковским районом Гомельской области Беларуси, в конфессиональном, лингвистическом и культурном аспектах представляет собой редкое явление, обусловленное следующими историческими обстоятельствами. Во-первых, нахождением в административных границах Черниговской области Украины с XVIII века по 1919 год. Раскольниковья слобода Зыбкáя, ставшая впоследствии г. Новозыбковом, была поселена в 1701 году в пределах Стародубья [Лазаревский, 1888, с. 449—551; Лилеев, 1895, с. 52—53] — земель, примыкавших к Стародубу как центру исторической области Северщины. Во-вторых, развитием под значительным влиянием бежавших от преследования властей в 1764 году ветковских раскольников, принеших религиозно-духовные, ремесленные, языковые и культурные традиции: «Для Ветки не существовало приграничной зоны <...> Ветковцы рассылали в российские регионы священников, уставщиков, учителей и проповедников, снабжали российских старообрядцев причащением, благодатным хлебом, чашами и ложками для причастия» [Таранец, 2021, с. 558];

«...ветковские обители стали центрами старообрядческого просвещения и грамотности» [Там же, с. 562] (о демографии, культурной и духовной жизни, коммерческой деятельности древлеправославных Стародубья и Ветки см.: [Кочергина, 2011]). В-третьих, территориальной принадлежностью к Гомельской области Беларуси с 1919 по 1926 годы.

Соответственно, в конфессиональном плане среди современных жителей Новозыбкова и прилегающих к нему сельских поселений сохраняется двоеверие — православие и древлеправославие. Последнее поддерживается действующими новозыбковскими храмами — Никольско-Рождественской церковью (1774—1782) и Спасо-Преображенским собором (1911—1914), при котором открыто Высшее древлеправославное духовное училище. В храмовых собраниях и в частных коллекциях представлены выполненные в технике мастеров Стародубья и Ветки древлеправославные иконы с оригинальными ризами, окладами и киотами (М. В. Кочергина указывает более 60 имен древлеправославных иконописцев из Стародубья и более 20 имен ветковских мастеров [Кочергина, 2017]), медная художественная пластика, рукописные и старопечатные книги, религиозное шитье. Функционирование древлеправославия в Новозыбкове накладывает отпечаток на местные обычаи: пользование в быту личными посудой и столовыми приборами, ношение верующими нательного восьмиконечного креста (в том числе меднолитого), применение в молитвенной практике двоеперстного крестного знамения, лёстовки (плетеной четки со специальными элементами для подсчета количества произнесения богослужебных формул и исполнения ритуальных действий), подручника (сшитого из разноцветных лоскутов материи мягкого коврика для рук и головы, предназначенного для совершения малого (метания) и великого (проскинезы) земных поклонов) и меднолитых образков, использование при похоронно-поминальном обряде савана (погребального покрывала из белого полотна), в который заворачивают тело покойного, захоронение усопших последователей древлеправославия на старообрядческом кладбище, посещение их могил обязательно на Пасху с возложением крашеных яиц, ломтей пасхальных куличей, конфет и цветов и проведением в отдельных случаях поминальных трапез.

В лингвистическом плане в Новозыбковском городском округе, как и в других районах Брянщины, наблюдается межъязыковая интерференция восточнославянских языков. В речи жителей юго-западных районов Брянской области функционируют общие для русских, белорусов и украинцев диалектизмы: *гирка* ‘невысокий глиняный кувшин для различных хозяйственных нужд’, *грабёрка* ‘совковая лопата’, *дерюжка* ‘толстый льняной грубый домотканый холст’, *душник* ‘дымоход’ и др. Говоры современной

Брянской области в течение длительного времени собирались и изучались. В изысканиях начала XX века жители современного юго-запада Брянской области назывались литвинами-белорусами [Косичъ, 1902], специфика их речи П. А. Расторгуевым определялась в качестве северско-белорусского говора [Расторгуев, 1927]. Своеобразие речевых особенностей жителей региона диалектологи стали обозначать и более широким термином *брянские говоры*.

Своеобразие традиционной культуры юго-западных районов Брянской области определяют уникально-локальные черты [Пронченко, 2021; Пронченко, 2022], среди которых образ «козы» на Щедром вечере, ритуальное зазывание мороза, благовещенский обычай «забивать клёц», обряды «вождение стрелы», «свеча» и «вешание колодок», предсвадебные и свадебные обычаи «мазать печь», «завивать вёльцы» и «отбивать молодым пята́», верования в доброхожих, земляную собачку, широкое распространение знахарства. Многие из перечисленных характерно-локальных особенностей находят параллели в традиционной культуре Гомельщины и Черниговщины, что подтверждается компендиумом «Славянские древности» и региональной серией «Традиционная мастацкая культура беларусаў», посвященной в том числе территории Гомельского Полесья и Поднепровья [Традиційная мастацкая культура ..., 2012, с. 7, 10].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данной публикации послужили архивные аудиозаписи бесед с носителями народной фольклорно-обрядовой традиции Новозыбковского городского округа (г. Новозыбкова и прилегающих к нему сел и деревень: Вереща́к, Вихо́лки, Каташина́, Новых Бобо́вич, Старого Вы́шкова, Старого Кривца́), входящего в состав юго-западных районов Брянской области. В зафиксированном дискурсе были выделены и сгруппированы диалектные обрядовые лексемы и фразеологические сочетания, в которых анализу подвергся культурный коннотативный компонент их семантики.

Методами исследования стали дискурсивный анализ, компонентный метод, приемы семантического и контекстуального анализа, описательный метод.

По мысли Т. И. Вендиной, «для понимания русской культуры чрезвычайно важным является обращение к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры как наиболее устойчивой и консервативной, отсылающей к истокам нашей национальной культуры» [Вендина, 2020, с. 6]. Славянская лингвокультура издавна интересовала таких отечественных ученых, как Н. И. и С. М. Толстые [Толстой, 1995; Толстой, Толстая, 2013], Е. Л. Березович [Березович, 2007], О. В. Белова, А. Б. Мороз [Белова и др.,

2023б; «Когда сосна...», 2023; «Петух на три области...», 2022], Е. В. Иванцова [Иванцова, 2023], Т. А. Демешкина [Демешкина, 2022], Т. Б. Банкова [Банкова и др., 2024] и др. Особый интерес современных этнолингвистов и культурологов вызывают пограничные территории, поскольку «фольклорные устные нарративы разных жанров, бытующие в зоне культурного пограничья или формирующиеся в русле “пограничной” традиции, отличаются от нарративов метрополии своей “комплексностью”, “мозаичностью”, “неординарностью” в силу того, что “пограничные” тексты являются репрезентантами сразу нескольких соседствующих традиций» [Белова и др., 2023а, с. 6].

Результаты исследований лингвокультуры брянско-гомельско-черниговской этноконтактной зоны представлены в диссертациях, монографиях, научных статьях С. Н. Стародубец [Стародубец и др., 2024; Стародубец и др., 2025], О. В. Белугиной [Белугина, 2017], С. М. Пронченко [Пронченко, 2022], Е. С. Бангоян [Бангоян, 2020], в сборниках научных статей и международных форумов [Лингворегионоведение ..., 2023; Русские традиции ..., 2022].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Календарные праздники

Календарные праздники открываются рождественскими торжествами, которые называются в местной речи *Калядами* [Расторгуев, 1973, с. 130]. (Здесь и далее иллюстративный материал, зафиксированный в живой речи диалектоносителей народной обрядовой традиции восточнославянской этноконтактной зоны, подается способом малограмотного письма). Символика данного диалектизма определяется, согласно местным поверьям, в том числе запретом заниматься шитьем в этот период, поскольку нарушение данного предписания приводит к «меченности» кого-либо из родственников того, кто нарушил запрет, то есть появлению на каждом покрове определенных «знаков»: «[В период рождественских праздников] *нельзя ни шить, ни вышивать, ни лапить [лапить ‘чинить одежду, ставя заплатки’]. Ну вот мама мая кадѣ-то... Бацька прышоў... ну работаў, а тады прышоў, и яўо рукавічка (тады ж перчатка ни было, дак рукавички). Яна: “Ой, твой ужэ пальчык там ёта прадрэўся. Давай я табѣ залатаю”. И залатала ёту рукавічку. Так у брата на шэи такѣ кра́снянькая пятно́. И кра́сненьким жэ яна залатала ёту [рукавицу]. Ёта... як Раждэ́ство. Ёта Каля́ды. Две нядэ́ли там няльзя́ вот ётаўа́ дэ́лаць ничѣ́га» (РФБ). (Здесь и далее посредством аббревиатур указаны имена, отчества и фамилии информантов. См. «Список респондентов» в разделе «Источники и принятые сокращения»).*

Культурный коннотативный компонент значения лексемы *каша* определяется символикой достатка, изобилия, множества. В дискурсе информантов употребляется лексема *куття*, обозначающая «кашу из пшеничной или ячменной крупы, которую ели с сыгтой, то есть с медом, разведенным теплой водой. Ели ее только два раза в год — в канун христианских праздников рождества и крещения. Канун Нового года назывался богатой кутьей» [Расторгуев, 1973, с. 146]. В этой дефиниции П. А. Расторгуева обращает на себя внимание лексема *сыта*, указывающая, что кутья как праздничное обрядовое блюдо имеет значение поминального и заупокойного. Респондент из с. Старый Вышков пояснил: *«На Раждяство — адна, на Хряцёнке — дру́гая и на Васи́ля — трэ́ття. <...> На Раждяство ва́рять пшённа́я [кутью], ма́слам ма́зали. На Хряцёнке ва́рыли дубо́ўку, яшну́ю [ячменную] ка́шу... Ту́ю ужо́ алéем [олéй 'подсолнечное масло']... ма́зали. На Васи́ля — э́та ужо́ ба́ўтая ку́ття. Как хо́чеш: хо́чеш з изю́мам, хо́чеш з ма́слам. Ва́рыш любю́ю ка́шу, то́льки ня ячме́ннаю»* (РВА).

С кутьей в Новозыбковском городском округе связано ритуальное кормление домашних животных и птиц с целью их роста, укрепления здоровья и плодовитости, которому предшествуют специальные магические действия — принесение сена в дом к красному углу, смазывание сена верхним слоем куты, кормление в сарае домашних животных этим сеном: *«Ка́да́ бы́ли каро́вы, то ла́жы́ли се́на на ку́т [ку́т 'правый угол комнаты, где находятся иконы'] нямно́шка. Ста́вили ку́ттю́ э́ту. Па́том зве́рху зби́ра́ли ку́ттю́ и се́на э́та дава́ли ска́ту: каро́ве, сві́нням там»* (РВА).

В канун Старого Нового года *кало́дзяз* 'колодец' выступает как обрядовое пограничное пространство, связанное с потусторонним миром, служащее местом гаданий девушек: *«А у кало́дзязи ка́мни кі́дали. Ка́мянь кі́даіш і слуха́іш: свякру́ха ти бурка́тлі́вая [буркотливая 'ворчливая'] бу́да, ти не. Ти бурчи́ть, ти не»* (РВА).

В качестве обрядового артефакта применяется имеющий символику жизненной энергии *ва́лянец* 'валенок', который бросают через крышу сарая и смотрят, в какую сторону указывает его носок. По народным представлениям, в той стороне села живет суженый девушки и там она выйдет замуж: *«Ва́лянец кі́да́ли че́рас кры́шу [сарая]. <...> Ну ва́лянак изде́нь из на́уі, с пра́выя, па-мо́йму, і че́рас кры́шу бра́са́й. Ку́ды ва́лянец наско́м упа́де, ту́ды за́муш по́йдиш»* (РВА).

Тринадцатого января исполняются святочные народные песни. В одной из зафиксированных песен употребляются такие лексемы, как *ку́на* и *сако́ля*: *«У Ко́ли, у па́на на яу́б дварэ́ я́блянь ста́яла, / Ой, дай е́му, Бо́жэ, ща́стья, здра́вья у яу́б двора́. / Адна́-то я́бляня — тры́ кары́сты. / Пе́рвая ка́рысть — я́рые пчо́лы, / А фта́ра́я ка́рысть — чо́рная ку́на, /*

А трэ́тняя ка́рысть — э́та я́сна сако́ля. / Я́сна сако́ля — дзя́тям на утэ́ху, / Чо́рная ку́на — жане́ на шу́бу, / А я́рыя пчо́лы — на всё сваё здаро́вья. / Дай жа, Бо́жэ, ща́стыя, здаро́вья у яро́ двор» (РФБ). Фольклорный образ куны 'куницы' в данной щедровой песне имеет женскую брачную и ткаческую символику, образ *саколи* 'сокола' — мужское символическое значение.

В праздновании Благовещения любопытен обычай *«лажы́ць цяпло́»* (*теплó* — «огонь, костер, разведенный в лесу, в поле и т. п. [СРНГ, т. 44, с. 54] — разжигать ритуальный очистительный костер с последующим перепрыгиванием через него присутствующих для обеспечения их здоровья: *«...а вот на Благу́вещенье... дак фсеудá лажы́ли цяпло́ и перя́ска́квалі э́тый аго́нь»* (РФБ).

Яркой особенностью традиционной культуры Новозыбковского городского округа является празднование Ушестия (= Вознесения), включающее обряд «вождение стрелы» с продуцирующей и апотропейной функциями, значением инициации для совершеннолетних девушек. Обряд проводится и в пограничных сельских поселениях Гомельской области Беларуси. Он сопровождается *старца́ми* — ряжеными, которые разыгрывают гротесковые карикатурные комические сценки, попрошайничают, непристойно шутят, стимулируя интерес участвующих в обряде девушек и бездетных женщин к интимным отношениям. Характерно, что мужчина, исполняющий роль старца, надевает на себя женскую одежду с подчеркнуто увеличенной грудью, а женщина — мужскую одежду, на которой присутствуют элементы с фаллической символикой, что актуализирует семантику роста и плодородия. Во внешнем виде и поведении старцов подчеркивается взаимосвязь с нищими стариками — ветхая одежда, старые предметы обихода, клюка, борода, прошение милостыни: *«Вот як ужо́ стрялу́ вяду́ць, дак падряжа́ць ужо́ двух цяла́век... <...> И яны́ ужо́ с такі́мі с па́лкамы тюрэ́ць [ударяют, колют] дзя́тэй. Дэ́ти ш бя́у́т талпо́ю услéт. Ну э́та шу́ляння тако́е. И яны́ ужо́ старцы́ бя́у́т, бя́у́т на́ряжаны́е у ря́ssi [ря́сье 'старая изношенная одежда'], из барада́мы»* (АГМ); *«А то ще па́ра сабіра́ўца — старцы́. Дет и ба́ба. На́ряжа́ўца у ста́рая в тако́е и абма́зуеца. <...> И бе́у́аць, сабіра́ць, про́сяць яéц та́ма — хто што дасть...»* (ЮФЗ). Называние ряженных старцами можно объяснить семантикой диалектизмов *старцы́* — «нищие, хотя бы они были и не стариками» [Расторгуев, 1973, с. 251] и *ходить по ста́рцах* — «нищенствовать, просить милостыню» [БОС, 2011, с. 310]. В народных представлениях нищие, или «нездешние», связаны с «тем светом», поэтому воспринимаются как представители умерших, которым необходимо отдать жертву, например, в виде яйца (ср.: *«про́сяць яéц»*). Таким образом, старцы, сопровождающие обряд «вождение стрелы», — это ряженные в нищих стариков персона-

жи народного гуляния, за которыми закреплена жертвенно-поминальная и эротическая символика.

На Ушестие принято *петь карау́т (корого́д ‘хоровод’)* — исполнять хороводные песни, а затем *падыма́ть пясо́к* — бросать его высоко вверх с целью вызывания роста льна: *«А там ужó, када́ усé сабярэ́ўца, пё́ли карау́т. ... а па́то́м, када́ ко́нчили петь, пясо́к — и падыма́ли уве́рх, што́бы лён рос... Вот бра́ли пясо́к и уве́рх бра́сали, што́п рос лён»* (РВА). Песок, имея символику множественности и неисчислимости, выполняет в этом обычае обережную и продуцирующую функции.

В с. Старый Вышков на Пасху, в с. Каташин на Ушестие принято посещать могилы родителей и *кача́ть яй́ца* — катать их по могильной насыпи: *«Схо́дять, яй́цы пакача́ять, па́сачку па́ложа́ть — и дамо́ў»* (РВА);

ЕМЗ: *На кла́дби́ца хади́ли на Ушэ́стя...*

ЮФЗ: *К ради́тилям хо́дять. Пахо́дять, яй́чки пакача́ять.*

ЕМЗ: *Бе́лые. Кра́сные — на Ра́дани́цу. А бе́лые — на Ушэ́стие.*

В этом обычае яйцо выступает в качестве дара (жертвы) ушедшим из жизни родственникам и оберега от них [СД, т. 5, с. 625]. Значимы его белый цвет и способность катиться, вбирая в себя негативную энергию.

С празднованием Духова дня связан обычай *«сажать май»*, то есть украшать зеленью свой дом и двор: *«Май же́ вон сажа́ять на пярэ́дний де́нь. Ну во пё́рят Тро́йцэ́й... <...> Дак во лама́ять во... аси́ну. Май называ́ецца. Та май. На́ламыва́ют. Абяза́тильна на́да у ха́ти паты́ркать. У ха́ти и на дварэ́. Да, и арэ́шник, а аси́ну абиза́тельна на́да»* (ЮФЗ). Лексема *май* обозначает «молодые дубки, клены, березки, срубленные в лесу и воткнутые в землю у ворот дома в праздник пятидесятницы» [СРНГ, т. 17, с. 301]. Обычай «сажать май» защищает от зла, сглаза, нечистой силы, непогоды. Ветки срубленных деревьев являются, по народным повериям, местом временного пребывания на земле душ умерших предков [СД, т. 2, с. 158].

В дискурсе носителей фольклорных сведений праздник Петров день и обряд Кумление обретают местные названия — *Пятро́* и *Ку́мушки*. Н. М. Елисеенко, рассказывая о пожаре, в результате которого сгорел ее дом, вспоминает: *«На Пятро́ уарэ́ли! На Ку́мушки»* (НМЕ). Характерно, что обряд Кумления в с. Верещаки, в котором проживает респондент, проводится на Петров день, а не в период троичских праздников.

3.2. Обряды жизненного цикла

В обрядах жизненного цикла значительное место занимают предсвадебные и свадебные ритуалы. Зарождение взаимоотношений между парнем и девушкой обозначается в одной из зафиксированных песен лексемой *дружы́начка* ‘дружок, друг’: *«... в той кры́ніцы же́ де́ўка ва́ду бра́ла, / в той кры́ніцы де́ўка во́ду бра́ла. / Да спу́стила [уронила] же́ залато́й*

вядёрка, / Дай спусти́ла залато́й вяде́рца. “Ой, хто ж маё жэ вядерца́ даста́ня? / Ой, хто ж маё вядерца́ даста́ня?” / Абазва́вся жэ ка́зак маладе́нький, / Абазва́вся ка́зак мо́ладенька́й. / “Я жы тваё́ жэ вядерца́ даста́ну, / Ой, я жэ тваё́ вядерца́ даста́ну. / Ой, я ж тваё́й дру́жы́начка́й ста́ну, / Ой, я жэ тваё́й дру́жыно́чка́й ста́ну”» (НМЕ).

Респонденты Новозыбковского городского округа рассказали об обряде *«вешать калотки»*, распространенном и на территории Украины. *Коло́дка*, как указывают информанты, обозначает сложенный треугольником платок с букетом цветов и лентами, который невесты закрепляют на одежде женихов в период празднования Масленицы: *«Эта во такіе плато́чки няве́сты вышыва́ли... И сла́жывая их так... на трыуго́льник. И тут ужо́ букет... букет цвято́ў, а зза́ди — лёнты. А плато́к э́тый далж́на́ няве́ста вы́шыць, раи́шыць. Ну и тада́ ужэ́ цапля́ли [прикалывали булавкой на грудь] хло́пцам э́тым кало́тки ужэ́. Называ́лась э́та “кало́дка”»* (РФБ). Эти сведения говорят о трансформации обряда, переосмыслении его инициальной символики (нового статуса парня и девушки как жениха и невесты), поскольку ранее под колодкой понималась «палка, украшенная красным кушаком или разноцветными лоскутками, которую во время масленичных развлечений привязывали к ноге холостого парня (или девушки) как бы в наказание за то, что он не женился, требуя выкупа деньгами или водкой» [СРНГ, т. 14, с. 158]. П. А. Расторгуев отмечает, что *кало́дка* — это «украшенная цветной материей небольшая щепка или лучина, с которой во время масленицы ходили по хатам и домам (в городах) и привязывали ее молодым парням и незамужним девушкам, требуя от них выкупа (“отвязать колодку”) деньгами или водкой. В конце же XIX века и в самом начале XX века колодку привязывали независимо от того, были ли в семье неженатые парни и незамужние девушки или нет — ее привязывали даже детям и требовали выкупа. В городе этот обычай был крайне непопулярен и в начале XX века стал исчезать» [Расторгуев, 1973, с. 129].

В предсвадебном обряде сватовства зафиксированы языковые формулы с лексемой *тялу́шка* ‘девушка, невеста’: *«Ну прыхо́дят у сва́ты. Ё́н [жених] прыхо́дя, ба́тька, ма́тка, хрэ́сный, хрэ́сная. <...> Ну па́здарова́юца... <...> А ужэ́ сват, як уме́я бау́ата бряха́ть (э́та такі́х заву́ть у сва́ты): “Вот мы слы́шали, што у вас тялу́шка прадаё́цца. Дак вот у нас пакупáтіль харо́ший”. Вот. Ані́ ўаваря́т: “Пакажы́те сваю́ тялу́шку”. Там ужэ́ дау́аварю́юца. <...> Ну а малада́я ужэ́ далж́на́ стака́ны паста́вить. Не хо́ця, значы́ть, и яна́ ат сва́то́в тых уты́ке»* (ААП). Тялушка, таким образом, в формулах сватовства выступает в качестве зооморфного образа понаравившейся парню девушки, предполагаемой невесты. Называние невесты *тялушкой* может быть объяснено обиходным значением лексемы — ‘телка

по первому году' [СРНГ, т. 44, с. 14], а также и восприятием коровы, за которой в народных верованиях закреплена символика богатства и достатка.

Характеризуя специфику проведения сельской свадьбы в той ее части, когда невесте расплетают косу, респонденты отметили:

ЕМЗ: *А расплѣтала бѣлая дружка косу. А дружки ѣта расплѣтали?*

ЮФЗ: *Ѣта ш дружок расплѣтѣ!*

ЕМЗ: *Дружок. Да, да. Дружок. Стѣрый дружок...* [Волосы в] *куксу замѣтывае. Платок атпинѣя [отпинѣть 'открыть, снять']. Ужѣ пѣсли каравѣя падылѣушы, анѣ ужѣ атпинѣя платок и куксу закучѣе.*

Дружок и дружка — это распорядители на свадьбе со стороны жениха и невесты, выполняющие обережную функцию по отношению к молодоженам. Обряд «*расплетание косы*» имеет инициальное значение, символизирует переход девушки в статус женщины. Косу расплетают на две и укладывают в женскую прическу — *куксу* (*куксѣ* 'волосы, собранные на затылке в пучок' [БОС, 2011, с. 176]).

Значительное место в предсвадебном и свадебном обрядах занимает *кѣрыца*, обладающая брачно-эротической символикой, ассоциирующаяся с невестой, ее *честностью* (отсутствием интимных отношений до брака), здоровьем, способностью к зачатию [СД, т. 3, с. 62, 63]. Курица выступает мерилем морально-нравственных качеств невесты: «*Дак нѣкатарѣя свѣкрѣха давала кѣрыцу... Ёсли во бѣчѣ [видит], шо ты чѣсная, даѣ. А якѣя бѣчѣ, шо ты не, дак кѣрыц не давала. У сасѣтки дачку, за дачкѣй бѣлы, дак там... тѣтка... хатѣла, шоп кѣрыцу дали. А янѣ разуанѣли курѣй тѣя свѣкрѣха. И усѣ ни давали, шоп лавѣлы кѣрыц. Ну ѣта ухватѣла кѣрыцу... Лѣна ѣта. <...> Дак свѣкрѣха ув автобус улѣзла: "Ададѣйтя кѣрыцу, такѣе-сякѣе! Ададѣйтя кѣрыцу!"*. Дак кѣрыцу тѣю шабунѣлы [шибѣть 'бросать, кидать'] и с... свѣркай [свѣрка 'раздор, ссора'] паѣхали» (ЕМЗ). Семантика курицы как обрядового блюда выражена в следующей свадебной песне: «*Сакатѣла Кѣрачка, сакатѣла. / Вѣсѣля чѣла, ни казѣла, / Вѣсѣля чѣла, ни казѣла: / "Зарѣштя мянѣ на юшку, / Зарѣштя мянѣ на юшку, / Пѣрычка маѣ — в падушку"*» (ВНШ).

С нечестностью невесты связан обычай выставлять на стол перед ее матерью тыкву, что отражено во фразеологизмах *дать ѣрбузѣ* (*гарбуз* 'тыква'), *выкатить тыкву*, имеющих значение отказа при сватовстве: «*ѣрбуз — ѣта... хлѣп назѣт варѣчать. Вот ѣта... цѣтѣлась ѣрбузѣ дали*» (ААП). Этот обычай фиксируется и на украинской территории.

В свадебных песнях лексема *скрыня* 'сундук' выступает в символическом значении вместилища приданого невесты: «*Вѣди, свѣкрѣха, паулядѣй, / Ой, шо мы тибѣ привѣзлѣй, / Ой, шо мы тибѣ привѣзлѣй. / Привѣзлѣй скрынѣю, пѣрынѣю, / Привѣзлѣй скрынѣю, пѣрынѣю / Ще маладѣю*

княжину, у-у-у» (НИП). Лексема *язюля* ‘кукушка’ обладает женской символикой, связана с горем и разлукой: «Закукала язюлячка, воран лятучый, лятучый, / Заплакала, ой, Раячка, ой, ат свёкра идучы. / “Неуа ж май дарауа, мамкина, а забота якса таткина. / А ти будя ж такая уж свёкрава? / А ти пуста менё мой свёкар када на Волуу гулять? / Ой, хоть пуста ти ни пуста, дак прыкажа: “Иди ж, май нявэстачка, ни барыся [бариться ‘задерживаться’], / у сёнячках, за двярями, и варатися”» (АГМ). За лексемой *хмара* ‘туча’ закрепляется символика печали и несчастья: «*Ти ни пойдя дробян дожжык, ой, да бяс тёмныя хмары, хмары, / Ой, ни вóзьмя парянь деўки бес худыя бяс славы. / Ана стучыцца, ана урючыцца тады дожжык пойдя, / А насудяцца лóди деўку — тады парянь вóзьмя*» (АГМ). Традиция выяснения семей парня сведений о роде понравившейся ему девушки (потенциальной супруги) закреплена в характерной поговорке: «*А давнёй казалі: “Па нітаццэ клубóчык шука́ять [ищут], па раду́ дэ́вачку пыта́ють [спрашивают, узнают]” у сёлах, яко́у роду. Вон жа пёлі: “Ти харо́шауа роду?” — “А я роду харо́шауа и на лічэнька красі́ва, а за плахі́м му́жам да и за п’яні́цам разнясича́сная до́ля”*» (АГМ).

В крестильном обряде значительное место занимает *махотка* ‘небольшой глиняный горшок для приготовления пищи’ [БОС, 2011, с. 196]: «*Ну усяу́да ка́шу вары́ли у чэ́рапяной [глиняной] махо́тке, што́п яна́ разби́алася*» (РФБ). Разбиваемая на крестинах махотка с кашей имеет символическое значение перехода ребенка на новый жизненный этап.

На крестинах сохраняется восточнославянская традиция одаривания плотном матери родившегося ребенка. Этот материал называют *увивичем* — «отрезом ткани на платье, который кумовья дарили роженице» [СРНГ, т. 46, с. 175]: «*Ё́тый ни зна́ю ужо́, што́ ё́н бу́дя дава́ть, кум, а ты б ужо́ наси́ла называ́вся увивич. Увивич у нас. Вот, напрыме́р, палатна́. У нас ни было́ тады́ ни ма́тэрьёу́, ничо́уа. Да́к палатна́ такі́х ме́тры две ти тры. Э́та ты нясе́ш ужо́ крысти́ть*» (АГМ). Увивич, таким образом, обладает символической одаривания, пожелания здоровья матери новорожденного.

3.3. Народные верования

В народных верованиях значительное место занимают рассказы о ведьмах. Респонденты подчеркивают их способность превращаться в движущиеся предметы — *капу́* (в записи речи респондентов способом малограмотного письма: *капа́*; в словарях фиксируется в варианте: *копа́*) и *като́к*, имеющие символику круга и кругового движения: *копа* — «большая куча сена, снопов хлеба, копна» [СРНГ, т. 14, с. 280], *каток* — «колесо телеги» [БОС, 2011, с. 141]: «*Вот де́лаицца капо́й и там вот иди́тё вы ве́чярам... А капа́ па у́лицы е́дя, е́дя ужо́*» (АГМ); «*Кали́сь [ко́лись ‘когда-то’] расказа́ваў Ша́ряев Миха́нь: “Идо́у, — ка́жа, — у та́й ужо́ атсе́ль я. Ко́тицца като́к*

имнэ памéш нох. Я, — кáжа, — прайшоў на тэя, пересиунуў [пересигну́ть ‘перепрыгнуть’]. Ён ня збіў мянэ, пашоў, ён пакатіўся. Друўый рас иду. Изноў кóтицца”. Ён за э́тый каток — и на кóлик. “Вр́анне [вр́анье ‘рано утром’] идём, — кáжа, — чялавéк прабі́тый”» (ТАП).

Повсеместно распространены представления о блинах как поминальном блюде, жертве усопшему: «“Ой, Ні́начка, рóдная, што мне дéлаць? Ни даé Мíша [покойный супруг] спако́ю: ста́ну раба́таць на ўа́ро́ди — у́ка́я [у́каць ‘звать’] мянэ, у́ка́я мянэ. Спаць ля́жy — не даé спаць”. <...> “Ва́зьмі, — кажу́, — блин, спя́чй <...> и памя́ні: “Вот табе́ я́кая че́сть — та́кая и сла́ва, я́кая че́сть — та́кая и сла́ва, я́кая че́сть — та́кая и сла́ва”. Тры разкі. Пала́жы тэй бліно́к и и́дй”. <...> Каза́ла: “Дай бох, спа́сіба табе́. Як руко́й зняла́”» (НМЕ).

Символическое наделение покойного его долей выражается не только в испечении блинов, но и в церковных пожертвованиях, обозначаемых фразеологизмом *пада́ть на ч́астачку*, где *ча́сточка* — «часть, кусок» [БОС, 2011, с. 348] просфоры: «Я так паéхала у цэ́ркву у навазы́пкаўскую. Да и ўава́рю, кажу́: вот так и так. <...> Я ўава́рю: “Я спужа́лася...”. Ён [ба́тюшка] ўава́ря: “Ну вот пада́йте на ч́астачку”. Ну ўжо́ як ён имнэ пасаве́таваў, што... И всё. И бо́льшы я с тых пор не ба́чила ничё́уа» (ОФЕ).

Блины осмысляются и как жертва домовому: «Када́-нибу́ть спя́кі бліно́к. Идэ́-то там за ўру́пкай [гру́бка ‘комнатная печь с лежанкой’], за черапу́шкай [глиняным горшком] накла́дй, нixáй. Скажы́ (куды́ пеража́яць лóдй, ра́ньшы пеража́яць ис сваёй ста́рауа ха́ты у дру́ую): “Мой дамаво́й, пайдём са мной”» (ААП).

В канун Крещения блины в обычае «рысава́ць крэ́стики» применяются в магических обрядовых действиях от зла, глаза: «Ста́рые лóдй ўава́рылі: “Ат плахо́уа чялавéка крэ́стик”. <...> Блин пячэ́ш на кутт́ю. На тот блин мяло́к лóжыш, ...с тем блі́нам хóдиш и рысу́еш крэ́стики [на окнах и дверях]. Асва́цяю на Хры́цёння» (РВА).

На территории брянско-гомельско-черниговского пограничья фиксируются рассказы о явлении во сне до *атпра́вы* (до сорока дней) душ умерших родственников в виде зооморфных образов. О. В. Яковлева по этому поводу отмечает, что «фольклорні образы зберегли найдавнішу ідею злітця людських і тваринних якостей, ідею переродження й перевтілення...» [Яковлева, 2014, с. 133]. Одним из таких образов выступает *тярэ́шка* ‘бабочка’: «Па́то́м, прайшо́ скóльки урэ́мя, у ме́нэ свая́кру́ха упірэ́д уме́рла. Э́та ув адо́м ўаду́. Тады́ ма́тка рóдная у ме́нэ жы́ла — я паха́рані́ла, то́жэ ўме́рла. И вот, нямно́уа зуа́дй, захо́жу... У ха́ту. Сяди́ць у ха́це тярэ́шка вот та́кая здраво́вая [большая], чэ́рная, на т́юлі. Сяди́ць тярэ́шка э́та, я и кажу́: “у́оспади! Ужо́ и тярэ́шак паналя́та́ла сюды́ и вся́уо у ха́ту”».

А мёньшынькая сядіць кáла кравáти на тjóли, уде я сплю. Я так во большúю ёту — в прáвую руку, мáлинькую — в лéвую. Паішлá, калідóр атчінíла [отчинíть ‘открыть’], вы́кинула: “Идúте вы! Бúдите пужáть менé то тэй [тот], то тэй”. Вы́кинула, прышлá, лялá, ляжú и заснúла. Заснúла и бáчу: ухóжy у хáту. Сядíть мой хазя́йн [супруг] на табурэ́ццэ кáлá сталá. Бáчу, што ён жа сядíть. Ёта... бýло да атпáвы. А свякрúха сядíть на пéчи, кóмян [кóмен ‘печная труба’] так во плячúмы прихилúўшы [прихилúться ‘прислониться’]. Бё́лый платóчик на ёй (яна́ ж пахарóнена у тёмнам платкú), а нóуи вы́прастала [вы́простать ‘вытянуть’] и сядíть на пéчи. Я кажú: “Ну што вы сядитё?”. А ён и кáжа мне: “Ты ш нас вы́кинула с хáты. <...> Дак што ш нам?!”. Я уáварю: “Дак, мóжэ, ёсть хочите?”. Я луп — и праснúлась» (ОФЕ).

3.4. Народная медицина и магия

В Новозыбковском городском округе распространены народная медицина и магия. Верования в способность совершать вредоносную магию связаны с ведьмами и «плохими» людьми.

Объектом вредоносной магии ведьм (а также «плохих людей») может выступать след, поскольку он является символическим заместителем человека. Фразеологизм *падаб́раць слет* означает ‘навести порчу, причинить вред здоровью’: «...*ат нас к ба́бе ни идúте: ба́ба урóлак панатýркывала в зямлú, пакóлите. И слет падбярэ́ць ваш, и нóуи у вас аткáжась»* (НМЕ). «Словарь русских народных говоров» фиксирует устойчивое выражение *вынимáть след* — «вырезать ножом часть земли, на которую ступил человек или соскабливать след от его ступни на полу для колдовства над ним» [СРНГ, т. 38, с. 246].

П. А. Расторгуев отмечает, что *асуро́ки, суро́ки, суро́цы* — это «суеверие, связанное с верой в действие так называемого “дурного глаза”, некстати сказанного слова и пр. По народному поверью, знахари и знахарки умели отговаривать (снимать) асу́роки» [Расторгуев, 1973, с. 44]. Согласно «Словарю русских народных говоров», *сурóк* и *сурёк* — «наведение болезни, несчастья дурным глазом; сглаз, порча» [СРНГ, т. 42, с. 286]. В компендиуме «Славянские древности» *сглаз, урóки* определяются как «вредоносное магическое воздействие на человека, его хозяйство, работу и скот посредством взгляда, слов похвалы, злых, завистливых мыслей и намерений» [СД, т. 4, с. 597]: «*Вот у мяне́ бýли... ёсть ёта и урóки. Вот ёта я на себé ужó испытáла*» (РФБ). Появление у человека способности наводить порчу респонденты объясняют следующим поверьем: «...*ни на́да, ка́дá атнимáють... дéвачку там ти мáльчика ат [груди], ни на́да да́вать фтары́нный рас. И жалéть ни на́да. [Если грудь дана во второй раз] Вот то урочный... урóчливый чилавёк*» (НМЕ).

Чтобы отнять у ведьмы колдовскую силу, необходимо поджечь ее валóсса ‘волосы’: *«Такое было ўóre, што карóва кідалася... на стéны и крычýла ни свайм мáтам. Да! Во якіе лóдзі былі! Ну што ты дóмаиш? Яна [ведьма] капані́чы [капані́чыць ‘взрыхлять, окучивать’] бу́льбу. Капані́чы сауну́шы. Брат мой па мéжацы, па мéжацы папóлс, папóлс, папóлс. А яна сяді́ць. И тэй капані́чы нану́шы. Ён патхвату́ся. Рве ей валóсса! И утыка́ць! <...> И паткуры́лі э́та валóсса. Ну зажгу́лі и... и пат карóву. Да. И всё. И карóва перыста́ла»* (НМЕ). Культурная семантика волос ведьмы, соответственно, связана с ее уязвимостью.

Лексема *лю́бжа* / *лю́бша* обозначает «заговор с целью вызвать любовь» [СРНГ, т. 17, с. 235]. Такой заговор осмысляется в качестве вредоносной магии, обмана: *«...была́ вот там на ўórке адна́... ўавары́лі, што яна што́-то лю́шу э́ту шапта́ла... Ба́ба А́рюшка еé зва́лі»* (РВА). П. А. Расторгуев отмечает, что лексема *любжа* употребляется в говоре старообрядцев и обозначает также яртышник пестрый (кукушкины слезки) — «по народному поверью, средство “приворота” и “отворота” парня к девице и девицы к парню» [Расторгуев, 1973, с. 152].

В местных проклятиях мак, имея семантику вражды и разрушения, применяется как средство вредоносной магии [СД, т. 3, с. 174]: *«Ба́ба Лю́льчы́ха... Шу́ры Зы́кавай ба́ба... Э́та ана́ лі́чна мне раска́зывала. Дру́жы́ла ис Шо́тикам сем лет. А ён пашо́ў у сва́ты к дру́гой. Вот. И ана́ так раска́зывала: “Пашо́ў к дру́гой. И сва́дзьбу и́гра́ць, и я взя́ла ма́кам их апсы́пала”. <...> Сем лет не жы́лі. <...> А сем лет дру́жы́ла з й́м!»* (ААП).

Знахарь осмыляется как лекарь, владеющий тайными сведениями, обладающий особыми способностями посредством заговоров излечивать людей и домашних животных. Знахарки называются в том числе *валхв́йтками* (*волхóвка* — «ворожея, гадалка» [БОС, 2011, с. 55]), а их деятельность обозначается лексемой *валхв́йтить* (*валхв́йть* — «заниматься гаданием, колдовством, ворожкой; лечить» [СРНГ, т. 5, с. 77]): *«Ну вот так вот бы́ли и валхв́йтки, катóрые валхв́йли харашо́. Ну шапта́ли. По́льзу лю́дям дава́ли»; «Што во́лхвэ́ть — э́та ты́е хара́шы́е шапта́хи...»* (РФБ).

Любопытно употребление лексемы *душо́к* при характеристике деятельности шептухи. Ее семантика, вероятно, объясняется христианской концепцией души, исходящей из триады «тело (сома) — душа (психэ) — дух (пнеум)» [СД, т. 2, с. 162]. Соответственно, душок — это пнеум, то есть мощная жизненная исцеляющая энергия, выраженная в слове: *«Ни врачы́ ни памау́али, ни ба́льница ни памау́ала, а яна́ [знахарка] свайм ду́шкóм. Ду́шкóм свайм! Шапта́ла...»* (НМЕ).

В рассказах об исцелениях знахарями зафиксирована лексема *дéтник*, обозначающая детскую болезнь, проявляющуюся в приступах судороги и

онемения тела: «У менé вот éтый сын бы́й. Радíуся красíвый такíй, з валóссия, як цыганёнак. И вот случы́лася, мо́жэ́т бы́ть, ат вачéй (ён крэ́пка бы́й красíвый). Ё́сли хто ужé пабы́ў у нас, пагу́ляў у нас у ха́те, он уми́ра́я. И случы́ўся у я́ўо дётник. Суда́рауи свóдзя́т и бью́ть я́ўо. уóспади! Ку́да я я́ўо! Па всих ба́бках ва́зiла, па всих! <...> Патсавéтавала мне ма́я тэ́тя. уаваря́: “Прывя́зi, — уаваря́, — к ма́цэхи”. Я павя́зла́. Я я́ўо дя́ржу́, так вот на ла́ўке сяджу́, а́на [знахарка] ка́ла вакна́ з бумажачки ма́лiтву тую́ пра́чыта́ла. уаво́ря: “Вя́зi, — уаво́ря, — дiт́я. Як бу́дя спа́ть, як прасне́цца, як па́прóся е́сть, пра́йдэ́ть и бу́дя жы́ть”. Вя́зу, ё́н спíть. Ужé было́ яму́ ско́льки? А ужé было́ тры́ уады́. Ужé уавары́ў — усё. Ле́ў, ии́це спа́ў до́лгу. Па́том прасну́ўся, уаваря́: “Ма́ма, дай мне хлё́ба с со́лям”. Да. И бо́льшы я ня ба́чыла. Ня дай уаспо́ть... éтай балéзни ба́чыть» (ААП).

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, новизна и ценность проведенного исследования заключаются в репрезентации национального своеобразия русской ритуальной культуры, в частности, самосознания и ценностей жителей локальной лингвокультуры — брянско-гомельско-черниговской этноконтактной зоны. В статье попытка воссоздания региональной картины мира предпринимается посредством описания современного состояния региональной культуры, объективированной пограничным диалектом. В публикации рассмотрены современные культурные компоненты значения зафиксированных лексико-фразеологических единиц: уточнены, углублены и расширены сведения о культурном слое путем анализа непосредственного функционирования лексем и фразеологизмов в речи диалектоносителей обрядовой традиции.

Проанализированный материал важен для Брянского региона, поскольку обновляет прежние сведения, формирует новое представление о специфике лингвокультуры восточнославянского пограничья, ее языковой базе, общем и частном в ее содержании в сравнении с лингвокультурами других регионов России, а также Белоруссии и Украины.

Новое представление об особенностях лингвокультуры восточнославянского этноконтактного локуса заключается в следующем.

В календарных праздниках брянско-гомельско-черниговской этноконтактной зоны, среди которых рассмотрены христианские рождественские торжества, Благовещение, Ушествие (= Вознесение), Пасха, Духов день, Петров день, Кумление, выделены и проанализированы лексемы и фразеологизмы *Каля́ды, куття́, кало́дязь, ва́лянец, ку́на, сако́ля, лажы́ть тя́пло, старцы́, петь карау́от, падыма́ть пясо́к, кача́ть яйца, сажа́ть май*. Многие из реалий, обозначаемых данными языковыми средствами,

являются обрядовыми артефактами (куття, валянец, май и др.). Культурный коннотативный компонент семантики данных лексико-фразеологических единиц определяется широким спектром символических значений: запретом на шитье («меченностью» родственников того, кто его нарушил), достатком, изобилием, множеством, ритуальным кормлением домашних животных, обрядовым пограничным пространством, жизненной энергией, женской и мужской символикой, ткачеством, ритуальным очищением с целью обеспечения здоровья, инициацией, ростом и плодородием, жертвой умершим родственникам и близким. Ритуальные действия жителей, совершаемые в период календарных праздников, выполняют продуцирующую и апотропейную функции.

Среди **обрядов жизненного цикла** рассмотрены предсвадебные и свадебные церемонии и ритуалы, связанные с Масленицей и крестинами. В ходе анализа обрядового дискурса были выделены и проанализированы такие лексико-фразеологические единицы, как *дружыначка*, *калóтка*, *вѣшать калóтки*, *тялушка*, *дружóк*, *дружка*, *куса́*, *курыца*, *дать уарбуза́*, *скры́ня*, *язю́ля*, *хма́ра*, *махóтка*, *увівич*, а также поговорка: *Па нітаццэ клубóчык шука́ць, на раду́ дѣвачку пыта́ць*. Этот языковой материал обладает достаточно широким спектром символических значений: инициации, богатства и достатка, брака, отказа при сватовстве, вместилища приданого невесты, женской символикой, горя, разлуки, печали, несчастья, одаривания. Ритуальные действия в обрядах жизненного цикла выполняют продуцирующую и апотропейную функции.

В **народных верованиях** в фокусе внимания находились рассказы о ведьмах и знахарях, явлении во снах душ усопших родственников. Соответственно, были выделены и проанализированы следующие лексемы и фразеологизмы: *капа́*, *катóк*, *блины́*, *пада́ть на чя́стачку*, *рысавáть крѣ́стики*, *тярэ́шка*, в которых выявлена символика круга и кругового движения, жертвы умершему и наделения его долей, а также жертвы домовому, перерождения душ умерших в зооморфные образы. Обрядовые действия жителей, связанные с данными народными верованиями, выполняют апотропейную функцию.

В нарративах о **народной медицине и магии** в центре внимания находились сведения о вредоносной магии, лечении и исцелении знахарями. Была проанализирована культурно-коннотативная семантика таких лексико-фразеологических единиц, как *падабра́ть слет*, *уро́ки*, *валóсса*, *любжа*, *мак*, *валхвѣ́тка*, *валхвѣ́тить*, *душо́к*, *дѣ́тник*. В данном языковом материале выявлена символика вреда, вражды и разрушения, а также мощной жизненной исцеляющей энергии, выраженной в слове, уязвимости. Магические ритуальные действия, совершаемые в обрядах этой группы,

носят, с одной стороны, вредоносный характер, с другой — выполняют апотропейную функцию.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Список респондентов

ААП — Анастасия Андриановна Попкова, с. Старый Кривец
АГМ — Анастасия Григорьевна Мужчинина, г. Новозыбков, ранее проживала в с. Верещаки
ВНШ — Валентина Никандровна Шмухлярова, с. Старый Кривец
ЕМЗ — Елена Макаровна Злобова, с. Каташин
НИП — Нина Ивановна Пастушенко, с. Вихолка
НМЕ — Нина Макаровна Елисеенко, с. Верещаки
ОФЕ — Ольга Федоровна Ерошенко, с. Новые Бобовичи
РВА — Раиса Васильевна Антропова, с. Старый Вышков
РФБ — Раиса Федоровна Буланова, г. Новозыбков, ранее проживала в д. Дубровке
ТАП — Татьяна Афанасьевна Пастухова, с. Новые Бобовичи
ЮФЗ — Юлия Федоровна Злобова, с. Каташин

Источники и принятые сокращения

1. БОС — *Брянский* областной словарь / авторы-составители : Е. П. Гарбузова, Т. И. Клименко, М. Н. Кобытева, Н. И. Курганская, Л. Т. Лошманова ; отв. ред. Н. И. Курганская. — Изд. второе, испр. и доп. — Брянск : [б. и.], 2011. — 361 с. — ISBN 978-5-904808-02-0.
2. *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев. — Минск : Наука и техника, 1973. — 295 с.
3. СД — *Славянские древности* : этнолингвистический словарь : в 5 т. / отв. ред. Н. И. Толстой. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — ISBN 5-7133-0703-4.
4. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин и др. — Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2021. — Выпуск 1—52. — ISBN 5-02-027894-7.

Литература

1. *Бангоян Е. С.* Тематическая группа «Предметы быта» в диалектах юго-запада Брянщины : лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. С. Бангоян. — Брянск, 2020. — 223 с.
2. *Банкова Т. Б.* Символическая семантика обрядового слова : особенности лексикографического описания / Т. Б. Банкова, Д. А. Тараканова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2024. — № 87. — С. 5—22. — DOI: 10.17223/19986645/87/1.

3. Белова О. В. Несказочная проза этнокультурного пограничья / О. В. Белова, А. Б. Мороз // «Когда сосна корнем вверх приживется...»: Фольклорная проза белорусско-русского пограничья. — Москва : Неолит, 2023а. — С. 5—15. — ISBN 978-5-6049648-1-1.
4. Белова О. В. Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного пограничья : монография / О. В. Белова, А. Б. Мороз, М. В. Ясинская. — Москва : Неолит, 2023б. — 440 с. — ISBN 978-5-6046371-7-3.
5. Белугина О. В. Особенности функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области : монография / О. В. Белугина. — Климово : Avantgard, 2017. — 210 с. — ISBN 978-5-9734-0286-0.
6. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович ; отв. ред. С. М. Толстая. — Москва : Индрик, 2007. — 600 с. — ISBN 978-5-85759-419-3.
7. Вендина Т. И. Антропология диалектного слова / Т. И. Вендина. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. — 684 с. — ISBN 978-5-4469-1776-1.
8. Демешкина Т. А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона : возможности описания / Т. А. Демешкина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2022. — № 7. — С. 122—126.
9. Иванцова Е. В. Этикетные формулы в речи диалектной языковой личности сибирского старожила / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2023. — № 85. — С. 20—42. — DOI: 10.17223/19986645/85/2.
10. Косичъ М. Н. Литвины-бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни / М. Н. Косичъ. — Санкт-Петербургъ : [б. и.], 1902. — 151 с.
11. Кочергина М. В. Редкие иконографические сюжеты в старообрядческой живописи Стародубья и Ветки (вторая половина XVIII — XX в.) / М. В. Кочергина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2017. — № 3 (43). — С. 26—29.
12. Кочергина М. В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760—1920 гг.) : демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура : монография / М. В. Кочергина. — Брянск : Ладомир, 2011. — 436 с. — ISBN 978-5-91516-097-1.
13. Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи : матеріали для історіи заселенія, землевладѣнія и управленія / А. Лазаревскій. — Київъ : [б. и.], 1888. — Т. 1. — 503 с.
14. Лилеевъ М. И. Изъ історіи раскола на Вѣткѣхъ и въ Стародубѣхъ XVII — XVIII вв. / М. И. Лилеевъ. — Киевъ : [б. и.], 1895. — Выпуск I. — 597 с.
15. Лингворегионоведение в восточнославянском пограничье : российско-белорусский локус : сборник научных статей / ред. кол. : С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. — Брянск : Брянский гос. ун-т им. академика И. Г. Петровского, 2023. — 252 с. — ISBN 978-5-9734-0418-5.
16. Пронченко С. М. Народная духовная культура русско-белорусского брянско-гомельского пограничья / С. М. Пронченко // Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 66. — С. 8—29. — DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-8-29.
17. Пронченко С. М. Речевой портрет старожилов восточнославянского брянско-гомельского пограничья (к 140-летию со дня рождения П. А. Расторгуева) / С. М. Пронченко // Русская речь. — 2021. — № 1. — С. 37—56. — DOI: 10.31857/S013161170013903-2.
18. Расторгуев П. А. Северско-белорусский говор : исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров / П. А. Расторгуев. — Ленинград : Издание института белорусской культуры, 1927. — 224 с.

19. *Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье* : научные доклады участников Международного научно-просветительского форума / ред. кол. : С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. — Брянск : Брянский гос. ун-т им. академика И. Г. Петровского, 2022. — 635 с. — ISBN 978-5-9734-0395-9.

20. *Стародубец С. Н.* Народная лингвокультура восточнославянского приграничья в условиях социально-политических изменений / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // *Русский язык в поликультурном мире* : сборник научных статей IX Международного симпозиума, Ялта, 08–12 июня 2025 года. — Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025. — Т. I. — С. 207–212. — ISBN 978-5-6050230-9-8.

21. *Стародубец С. Н.* Современные этнолингвистические исследования материальной и духовной культуры российско-белорусского пограничья / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // XV Конгресс МАПРЯЛ : избранные доклады / отв. ред. М. С. Шишков. — Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2024. — С. 209–214. — ISBN 978-5-6043747-9-5.

22. *Таранец С. В.* Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX вв.) : монография : в 3 т. / С. В. Таранец ; под ред. Г. В. Боряка. — 2-е изд. — Киев : [б. и.], 2021. — Т. 1. — 704 с. — ISBN 978-966-02-9629-9.

23. *Толстой Н. И.* Славянская этнолингвистика : вопросы теории / Н. И. Толстой, С. М. Толстая. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2013. — 240 с. — ISBN 978-5-7576-0290-5.

24. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — Москва : Индрик, 1995. — 512 с. — ISBN 5-85759-025-6.

25. *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў* : у 6 т., у 2 кн. / ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай. — Мінск : Вышэйшая школа, 2012. — Т. 6. — Кн. 1. — 910 с. — ISBN 978-985-06-2201-3.

26. *Яковлева О. В.* Обрядовый дискурс у системі національної лінгвоментальності : монографія / О. В. Яковлева. — Одеса : [б. и.], 2014. — 396 с.

27. *«Когда сосна корнем вверх приживется...»* : Фольклорная проза белорусско-русского пограничья / сост., вступ. статьи, коммент., указатели Ю. М. Кувшинской, А. А. Заикиной, Е. Е. Фроловой и др. ; под общ. ред. А. Б. Мороза. — Москва : Неолит, 2023. — 400 с. — ISBN 978-5-6049648-1-1.

28. *«Петух на три области поет...»* : Фольклорная традиция белорусско-русского пограничья / сост. А. Б. Мороз, О. В. Белова, Ю. М. Кувшинская и др. ; под общ. ред. А. Б. Мороза. — Москва : Неолит, 2022. — 560 с. — ISBN 978-5-6044697-8-1.

*Статья поступила в редакцию 19.04.2025,
одобрена после рецензирования 10.06.2025,
подготовлена к публикации 31.07.2025.*

Material resources

BOS — Kurganskaya, N. I. (ed.). (2011). *Bryansk regional Dictionary*. Bryansk: [B. I.]. 361 p. ISBN 978-5-904808-02-0. (In Russ.).

Rastorguev, P. A. (1973). *Dictionary of folk dialects of the Western Bryansk region: materials for the history of the vocabulary of dialects*. Minsk: Nauka i tekhnologiya Publ. 295 p. (In Russ.).

- RNG — Filin, F. P. (ed.). (1965—2021). *Dictionary of Russian Folk Dialects, 1—52*. Lenin-grad; Saint Petersburg: Nauka Publ. ISBN 5-02-027894-7. (In Russ.).
- SD — Tolstoy, N. I. (ed.). (1995—2012). *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes*. Moscow: International Relations. ISBN 5-7133-0703-4. (In Russ.).

References

- Bangoyan, E. S. (2020). *The thematic group “Everyday objects” in the dialects of the south-west of the Bryansk region: lexico-semantic, comparative and ethnolinguistic aspects*. PhD Diss. Bryansk. 223 p. (In Russ.).
- Bankova, T. B., Tarakanova, D. A. (2024). Symbolic semantics of a ritual word: features of a lexicographic description. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 87: 5—22. DOI: 10.17223/19986645/87/1. (In Russ.).
- Belova, O. V., Moroz, A. B. (2023a). The fabulous prose of the ethnocultural borderland. In: *“When the pine tree takes root ...”: Folklore prose of the Belarusian-Russian borderland*. Moscow: Neolith. 5—15. ISBN 978-5-6049648-1-1. (In Russ.).
- Belova, O. V., Moroz, A. B., Yasinskaya, M. V. (2023b). *The oral word and the written word in the language of the ethnocultural frontier: a monograph*. Moscow: Neolith. 440 p. ISBN 978-5-6046371-7-3. (In Russ.).
- Belugina, O. V. (2017). *Features of the functioning of ritual vocabulary in the folklore of the south-western regions of the Bryansk region: a monograph*. Klimovo: Avangard. 210 p. ISBN 978-5-9734-0286-0. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2007). *Language and traditional culture: ethnolinguistic studies*. Moscow: Indrik. 600 p. ISBN 978-5-85759-419-3. (In Russ.).
- Demeshkina, T. A. (2022). Cultural and linguistic landscape of a cross-border region: possibilities of description. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*, 7: 122—126. (In Russ.).
- Ivantsova, E. V. (2023). Etiquette formulas in the speech of the dialect linguistic personality of the Siberian old-timer. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 85: 20—42. DOI: 10.17223/19986645/85/2. (In Russ.).
- Kochergina, M. V. (2011). *Starodubye and the Branch in the history of the Russian Old Believers (1760—1920): demographic development of Old Believer communities, entrepreneurship, spiritual life, culture: monograph*. Bryansk: Lodomir. 436 p. ISBN 978-5-91516-097-1. (In Russ.).
- Kochergina, M. V. (2017). Rare iconographic subjects in the Old Believer painting of Starodubye and Vetka (the second half of the XVIII — XX century). *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 3 (43): 26—29. (In Russ.).
- Kosich, M. N. (1902). *Litvins-Belarusians of Chernigov province, their lives and villages*. St. Petersburg: [B. I.]. 151 p. (In Russ.).
- Lazarevsky, A. (1888). *Description of old Little Russia: materials for the history of settlement, land ownership and management, 1*. Kiev: [B. I.]. 503 p. (In Ukr.).
- Lileev, M. I. (1895). *The origins of the schism in the East and the Old South of the XVII — XVIII centuries, 1*. Kiev: [B. I.]. 597 p. (In Ukr.).
- Moroz, A. B. (ed.). (2022). *“The cock sings in three regions ...”: Folklore tradition of the Belarusian-Russian borderlands*. Moscow: Neolith. 560 p. ISBN 978-5-6044697-8-1. (In Russ.).
- Moroz, A. B. (ed.). (2023). *“When the pine tree takes root ...”: Folklore prose of the Belarusian-Russian border region*. Moscow: Neolith. 400 p. ISBN 978-5-6049648-1-1. (In Russ.).

- Pronchenko, S. M. (2021). Speech portrait of the old-timers of the East Slavic Bryansk-Gomel borderland (on the 140th anniversary of the birth of P. A. Rastorguev). *Russian speech*, 1: 37—56. DOI: 10.31857/S013161170013903-2. (In Russ.).
- Pronchenko, S. M. (2022). Folk spiritual culture of the Russian-Belarusian Bryansk-Gomel borderland. *Bulletin of Slavic Cultures*, 66: 8—29. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-8-29. (In Russ.).
- Rastorguev, P. A. (1927). *Seversky-Belorussian dialect: a study in the field of dialectology and history of Belarusian dialects*. Leningrad: Publishing House of the Institute of Belarusian Culture. 224 p. (In Russ.).
- Russian traditions of household linguoculture in the Slavic frontier: scientific reports of participants of the International Scientific and Educational Forum*. (2022). Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky. 635 p. ISBN 978-5-9734-0395-9. (In Russ.).
- Starodubets, S. N., Belugina, O. V. (2024). Modern ethnolinguistic studies of the material and spiritual culture of the Russian-Belarusian borderland. In: *XV Congress of MAPRYAL: selected reports*. Saint Petersburg: MAPRYAL. 209—214. ISBN 978-5-6043747-9-5. (In Russ.).
- Starodubets, S. N., Belugina, O. V. (2025). Folk linguaculture of the East Slavic borderland in the context of socio-political changes In: *Russian language in a multicultural world: Collection of scientific articles of the IX International Symposium*. Yalta, June 08—12, 2025. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University. 1: 207—212. ISBN 978-5-6050230-9-8. (In Russ.).
- Starodubets, S. N., Pustovoitov, V. N., Pronchenko, S. M. (eds.). (2023). *Linguoregionology in the East Slavic borderland: the Russian-Belarusian locus: a collection of scientific articles*. Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky. 252 p. ISBN 978-5-9734-0418-5. (In Russ.).
- Taranets, S. V. (2021). *Old Believers in the Russian Empire (late 17th — early 20th centuries): monograph: in 3 volumes, 1*. Kiev: [B. I.]. 704 p. ISBN 978-966-02-9629-9. (In Ukr.).
- The traditional Cossack culture of Belarus: in 6 volumes, in 2 books, 6 (1)*. (2012). Minsk: Higher School. 910 p. ISBN 978-985-06-2201-3. (In Belar.).
- Tolstoy, N. I. (1995). *Language and Folk Culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow: Indrik. 512 p. ISBN 5-85759-025-6. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I., Tolstaya, S. M. (2013). *Slavic ethnolinguistics: questions of the ory*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 240 p. ISBN 978-5-7576-0290-5. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (2020). *Anthropology of dialect words*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 684 p. ISBN 978-5-4469-1776-1. (In Russ.).
- Yakovleva, O. V. (2014). *Ritual discourse in the systems of national linguistics: a monograph*. Odessa: [B. I.]. 396 p. (In Ukr.).

*The article was submitted 19.04.2025;
approved after reviewing 10.06.2025;
accepted for publication 31.07.2025.*